

Окончен охотничий сезон. Охотники совхоза вышли из тайги. Встречаясь иногда в конторе или другом месте, обговаривали, что надо конец сезона отметить где-то основательно. Решили собраться после сдачи пушнины. Обозначили место, у кого собираться, и кто что должен принести на закуску. Сдача пушнины! Для охотников этот день особый. Это тот случай, когда человек результаты своего труда выставляет на всеобщее обозрение. За этой ухоженной и тщательно вычищенной горкой разноцветной пушнины стоят отчаянье и радостные взлёты, горячий пот и бессонные ночи, тяжелейшие переходы по болотам и захламлённой тайге. Да, всего не перечислишь!

Ревниво осматривает охотник пушнину своих товарищей. Сколько? Какое качество пушнины и как она обработана, хотя на лице маска равнодушия. Подходит его очередь. Встряхивая, чтобы ость стояла на соболе, начинает выкладывать на приёмный стол драгоценные шкурки. Наверх лёг чёрный, как уголь, и пушистый кот, который сразу притягивает внимание. Какой бы он ни был красавец, охотник знает, что у него есть маленький дефект. Хоть он его и вырезал, эту небольшую плешь, но разрежённость волоса вокруг осталась. Сейчас перед сдачей хозяин его тщательно распушил в надежде, что приёмщик просмотрит. В груди замерло ожидание. Вот сволочь старая! Рассмотрел. От этого стоимость дорогого соболя упала на 10 процентов. Вроде и не сильно велик убыток, а неприятный осадок остаётся. И дело вовсе не в деньгах. Это пятно на профессионализме охотника – не сумел убрать дефект, довести дело до конца. Сам виноват – поленился переделывать.

Сдав пушнину и по традиции обмыв сдачу с заготовителем, охотники разбрелись по домам. Надо доделать вечерние домашние дела и в назначенный час уже собраться своим кру-

гом, чтобы отвести душу за разговорами. Всё-таки месяцы, проведённые в одиночестве, дают о себе знать.

В жарко натопленной избе не чувствуется, что за стенами за 30 мороза, сдвигаются два стола, и на них выставляется сибирско-таёжная закуска: рыба в любом виде – и солёная, и жареная, мороженая ягода и солёная черемша, кусками отварная лосятина в тазике средних размеров, а на улице дожидается своего часа строганина из сырой печёнки и свежей рыбы. В общем, к мероприятию подошли серьёзно, рассчитывая на всю ночь. Это подтверждает тускло поблескивающая из-под лавки батарея заиндевевших бутылок.

Первый тост за то, что живы-здоровы и собрались вместе. Второй – «за лося», чтоб пилося, жилося, и так далее. Гулянка была на самом подъёме, когда неожиданно без стука широко распахнулась входная дверь. Холодный воздух радостно ворвался в тёплое помещение и белыми лентами, извиваясь, пополз по полу. За столом замолчали, выжидающе смотрели на дверной проём, расположенный сбоку от столов. Нога, обутая в солидный серый валенок, вынырнула из темноты и нависла над полом. У хозяина ноги не хватало силы придавить валенок к полу, и тот медленно поплыл обратно в темноту. Все замерли в ожидании грохота неизвестного тела в тёмных сенцах, но тяга к обществу оказалась сильней, и нога устремилась снова к свету и теплу. За ней появилось круглое крепкое пузо в расстёгнутой телогрейке, а потом и круглая раскрасневшаяся физиономия в лохматой шапке. Собственной персоной пожаловал на огонёк бригадир трактористов.

Сказать, что он пьян, – это ничего не сказать. Человек был в таком состоянии, когда мозг уже отключился, а душа требовала продолжения банкета. Было видно, что он не понимал, куда попал и что за люди сидят за столом, молча его разглядывая. Удивление было обоюдным. В деревне знали, что трактористы с утра погнали трактора вывозить сено с центрального участка, который находился ниже на сотню километров по Енисею. И вот уехавший утром в командировку на несколько дней бригадир стоит здесь в очень странном состоянии.

Непонимающие глаза тракториста, метавшиеся по лицам, наконец-то приобрели осмысленное выражение. Говорят, что лучшая защита – это нападение. «Ааа, охотнички! Сидите?! Пьёте?! А там волки, волки вокруг деревни! А они сидят, пьют, а там волки, стая!»

Это было похоже на бред в белой горячке. Мужики стали усаживать и успокаивать неожиданного гостя, но тот гнул свою линию про волков и какого-то лося, которого те задавили.

После кружки горячего чая и внушительного куска мяса, которое тракторист умял с большим удовольствием, наконец-то кое-как выяснили причину его появления в деревне.

...Они гнали по Енисею два трактора, шли, выдерживая расстояние метров двести-триста друг от друга. Один из тракторов забарахлил, и они остановились устранить неполадку. Трактористы на первом тракторе, естественно, назад оборачивались редко, и он скрылся за мысом. Провозившись с полчаса и устранив неполадку, они поехали дальше. Заскочив за тот же мыс, за которым скрылся первый трактор, они заметили какую-то странную большую черновину. Подъехав ближе, увидели лежащего лося, который ещё дёргал ногами. Вокруг была вырванная шерсть и множество волчьих следов. Недолго думая, они его стали обдирать, тем временем и уехавшие вернулись. От такого подарка грех отказываться! После того, как разделали, первый трактор продолжил путь, а бригадир с напарником вернулись в деревню с мясом. Завтра они поедут обратно.

Его спросили, много ли было волков. Бригадир ответил, что самих волков не видели, а по количеству следов думает, что пять или семь штук. Тракториста после чая и еды свалил сон, его уложили на диван, и он больше о себе не напоминал.

Долго обсуждали этот случай, стали вспоминать другие, давние. Оказывается, практически у всех были обиды на этих серых разбойников. Фёдор не принимал участия в воспоминаниях, сидел, обдумывал ситуацию. На свои вопросы вразумительного ответа от бригадира он не получил. Но было ясно одно – что рано утром эту стаю можно попытаться проредить. Была проблема с напарником – одному несподручно. Фёдор предложил мужикам утром съездить обойти волков и сделать загон, но его стали отговаривать, что волки, подьев остатки отобранной у них добычи, ушли. Было понятно, что никому не хотелось после застолья, неспавши ночь, ехать по морозу хрен знает зачем. Как мужики ни уговаривали остаться, не разбивать компанию, Фёдор ушёл домой.

Утром ещё по темноте стал собираться. У него был план в одиночку попытаться испытать охотничью удачу и, если Бог даст, остаться в выигрыше. В десятилитровую канистру налил солярки и прихватил из дома чей-то старый шерстяной свитер, надеясь, что обойдётся без ворчанья со стороны жены. Из оружия решил взять карабин «СКС», всё-таки десятизарядный, а это много значит на такой охоте. По опыту знал, что волк – зверь осторожный и в тайге свежую лыжню сразу не переходит, делает несколько

подходов, прежде чем решится её перескочить. А если волков окружить лыжнёй, пахнувшей соляжкой, то они будут искать выход из круга. Вот там-то их и решил Фёдор караулить.

С погодой подфартило, к утру мороз спал, отмякло. «Так что, дядя Федя, флаг тебе в руки и вперёд», – сказал себе охотник. Не доезжая обговоренного мыса, Фёдор увидел старый какой-то след на пабереге, который вёл в ручей. Было хорошо видеть тянувшуюся канавку, промятую по снегу. Развернувшись, стал разбираться: след был волчий, но в снегу было не понять, спустился он на Енисей или, наоборот, зашёл в тайгу. Стал тщательно исследовать надувной твёрдый снег на реке. Разобрал отпечатки от когтей. Это был одиночный волчий след, который уходил с реки в тайгу. «Что-то они разбродились нынче – там стая, тут одиночка», — подумал он. К мысу подъехал, прижимаясь к берегу. Заглушив снегоход, пешком потихоньку поднялся на выступающий надув снега и осторожно выглянул, ожидая увидеть зверей на убоине. Ничего не было видно – ни волков и никакой чёрной отметины.

Вернувшись к снегоходу, Фёдор поехал дальше. Проехав метров семьсот, он наткнулся на указанное место. Везде волчьи следы, раскиданная и припорошённая шерсть, еле заметные следы крови и содержимое желудка, – всё, что осталось от лесного великана.

На высокий увал уходила волчья тропа. Фёдор прошёл рядом с тропой, пока она шла по чистому месту, стараясь понять, сколько примерно было волков. Дойдя до торчавшего корня, увидел, что кобель сделал обильную метку. Она была с кровью. Видать, нелегко досталась такая крупная добыча. Метить к корню подходил один самец, других подходов не было. «Наверное, здесь не стая, а всего пара – самка с кобелём», – решил Фёдор. Для стаи всё-таки следов маловато. Проследив взглядом волчью набитую тропу до леса, Фёдор вернулся к снегоходу. Положив канистру и свитер в рюкзак, стал на лыжах потихоньку подниматься к лесу в стороне от тропы.

Зайдя в лес метров двести от тропы с приготовленным к выстрелу карабином, осторожно пошёл в её сторону. Фёдор боялся, что волки, вернее всего, устроили лёжку на самой кромке леса, чтобы просматривался Енисей. Если это так, то они уже далеко от этого места. Подойдя к тропе, обрадованно увидел, что она уходит вглубь тайги. Достав свитер и привязав его на длинной верёвке к поясу, чтобы он тащился по лыжне, полил его соляжкой и пошёл на круг.

Пройдя вдоль берега метров пятьсот, повернул под прямым углом. Через полтора километра в этом направлении повернул снова вдоль Енисея в сторону тропы. Через некоторое время он наткнулся на выходной след. Озадаченный Фёдор попробовал след рукой. След был застывший, вчерашний. Отвязав тащившийся, воняющий соляжкой потаск и скинув рюкзак с канистрой, Фёдор решил пройти по следу и посмотреть, будет ли кто из волков ложиться. Ведь лось одного сильно ударил, раз он мочится с кровью. Пройдя по следу метров двести, он увидел метнувшуюся серую тень. Сперва даже не понял, что это волк, который уходил на коротких махах и сразу скрылся в подростке. Фёдор рванул за ним, что было сил. Проскочив кусок густого подростка, впереди он увидел скачущего зверя. Снег был рыхлый, и волк вскакивал на валежины, на которых снег был плотный, и быстро уходил. Фёдор поднажал, но толку было мало – расстояние не сокращалось.

Волку было нелегко в рыхлом снегу, но и Фёдор хватал воздух полным ртом. Когда зверь вскочил на следующую валежину, Фёдор решил стрелять, расстояние было метров сто пятьдесят – для хорошего стрелка и хорошего карабина это не расстояние, но воздуха в груди не хватало, и ствол ходил ходуном. Улучив момент, выстрелил два раза подряд. Волк спрыгнул с валежины и понёсся куда-то вбок с удвоенной скоростью. Подойдя к валежине, с которой спрыгнул волк, увидел срезанные пулей длинные остевые волосы – крови не было.

Рядом проходила старая засыпанная лыжня. По ней-то и ушёл на хороших махах догоняемый. Немного отдышавшись, Фёдор пошёл в пяту по волчьему следу – посмотреть, где он лежал и где были другие, разбежались или это был отставший из-за удара. Подойдя к лёжке, Фёдор увидел, что волку сразу повезло. Рядом проходил сохатиный след, он выскочил на него и потому так резво скрылся с глаз. Без этой сакмы Фёдор, вернее всего, его догнал бы. Благо она после чащи уходила в сторону. Сделав вокруг лёжек круг, Фёдор понял, что волк был один. Это он за ночь натоптал тропу и сделал несколько лёжек. Да, на полкилометра бы больше сделал круг, и зверь оказался бы в окладе. Даа, если бы не бы.

И тут Фёдора осенило, что вернее всего это тот волк, который пришёл с левой стороны Енисея, и большая вероятность, что пуганый зверь будет уходить своим старым следом. Только успеть бы к снегоходу, пока он не пересёк Енисей. Фёдор снова побежал. На берег выскочил удачно, напротив снегохода. Весь мокрый от пота, надев на себя запасную куртку задом наперед, чтоб не про-

дуло грудь, помчался назад к следу. Выжимал из техники всё, что можно. Мотор возмущённо визжал. Фёдор, не обращая на это внимания, шарил по широкому белому простору глазами: не замелькает ли где-нибудь между торосов чёрная точка.

Выходного следа не было. Отъехав от следа метров пятьдесят, поднялся на снегоходе к кромке леса. Загнав снегоход за заснеженный куст, стал ждать возможного выхода зверя из тайги. В пропотевшей мокрой одежде долго в засаде не просидишь. Фёдор покрутился на месте, поводил плечами, но это мало помогало. «Придёт – не придёт, а я тут точно окочурюсь, – подумал он и решил. – Погода мягкая, снег сильно не скрипит, пойду-ка я ему навстречу».

Попив из термоса чая и сунув кусок хлеба за пазуху, он осторожно пошёл по волчьему следу в надежде встретить зверя. Пройдя по следу с километр, вышел на сохатиное стойло. Волк закрутился по лосиным следам. Фёдор уже с интересом: «Что будет?», – шёл за ним. Побродив по застывшим лосиным следам, волк свернул в сторону, проваливаясь в снег. Перейдя широкую пойму ручья поперёк, он вышел на дневку трёх лосей и закружил вокруг них. Обеспокоенные лоси встали и топтались на месте. По следам было видно, что волка смущал глубокий снег. А может, это было сделано специально? Он кружил вокруг лосей, пока они не вытоптали в снегу площадку. Получив твёрдую опору, волк в два прыжка достиг цели и вцепился в бок сохатому. Лось громадными прыжками с повисшим на нём хищником кинулся бежать. На снегу чётко отпечатались при прыжках лося контур висящего на нём волка. Даже форма хвоста на нём отпечатались. Фёдор никогда не поверил бы этому, если бы не увидел всё своими глазами. Читатель! Попробуй укусить себя за ладошку, у волка была примерно та же возможность.

Удивляясь силе волчьих челюстей, Фёдор шёл по следам дальше. Лось, проскакав со страшным грузом метров двадцать, сунулся к ручью, где по берегам рос густой ольшаник. Там он его с себя и сбил. На снегу валялся комок сохатиной шерсти с кровавой пеной. Дальше волк пошёл по этому следу спокойно. Крови на лосином следе не было, и он, ещё проскакав галопом метров двести, пошёл шагом в сторону Енисея. Скоро его следы повели в гору. Гонные лоси почти всегда стараются бежать вдоль склона – там снег рыхлее, и поэтому зверю бежать легче, но на этот раз лось полез дальше на сопку. Поднявшись на неё, пошёл дальше к Енисею. На реке снег мелкий, и там он легко уйдёт от волка. Но он сделал непростительную ошибку,

что к реке пошёл хребтом. Хребет обрывался оплывником, и на самой кромке снег был прибитый ветрами до твёрдости наста. Хищник умело воспользовался этим, лось был почти беспомощным в этом глубоком и твёрдом снегу. Борьба была жестокая. В снегу было выбито две площадки, где-то пять на пять, усыпанные клочками лосиной шерсти. Видать, из последних сил рванул сохатый к Енисею и попал на крутой склон оплывника, где почти не было снега, так как ветер его оттуда сдувает.

Волк со своими лапами и когтями получил полное преимущество. Так на своей жертве он и съехал на лёд на радость трактористам. Фёдор стоял на краю оплывшей в Енисей сопки. Внизу виделся исковерканный на льду тракторами снег. Хорошо просматривались таёжные хребты на другой стороне Енисея. От этого простора и дикости захватывало дух, поднималось какое-то волнение в груди, и он чувствовал, что без всего этого он, наверное, не смог бы жить. Фёдор представлял, как волк с этой же высоты смотрел на своих грабителей, за их суетливыми движениями и беготнёй вокруг его добычи. Ставя себя на место ограбленного, он догадывался, что у того творилось в волчьей душе, и он ему сочувствовал – халявщиков никто не любит. День заканчивался. Большое северное солнце катилось по горизонту. Казалось, что оно высматривает место, куда удобнее завернуть на ночлег. Световое время позволяло, и Фёдор решил пройтись по следу стреляного волка. «Я ведь стрелял просто по корпусу и если попал по животу, то крови и не будет, а волосы то срезаны пулей, так что чем чёрт не шутит».

Развернувшись, он пошёл по хребту вдоль ручья – так было легче идти. «Пройду подальше по прямой, а потом подрежу лыжницу, по которой так ретиво ушёл от меня волк». Пройдя приличное расстояние, Фёдор стал подворачивать в сторону ручья и скоро наткнулся на лыжню. Сумерки уже обозначились, хоть было ещё светло, следы волчьих лап на лыжне просматривались неясно. Ямки были видны, а чтобы увидеть отпечатки пальцев и когтей, надо было наклоняться. Шаг зверя был спокойный, ровный. Фёдор шёл потихоньку по лыжне, тщательно всматриваясь в следы, чтобы не пропустить даже маленькие бусинки крови, если бы они были. Боковым зрением не увидел, а почувствовал какое-то движение и тут же увидел волка. Он вынырнул из-под вывернутых корней метрах в двадцати. Широко расставив передние лапы, отчего его мощная грудь казалась ещё шире, он смотрел на Фёдора в упор. Спокойный оценивающий взгляд уверенного в себе зверя. Фёдор медленно снимал карабин. В подсознании мелькнуло: «Когда это сердце успело

набрать обороты, что отдаёт в висках?» Зверь стоял не шевелясь, внимательно наблюдая за охотником. Фёдор осторожно прикоснулся к предохранителю.

Наверное, не один охотник проклял этот подпружиненный эскаэсовский предохранитель. Раздался тихий металлический щелчок. Только снежная пыль взлетела на том месте, где стоял, как изваяние, волк. Вскинув карабин к плечу, Фёдор ждал появления волка, который уходил в тайгу, прикрытый корнями, как щитом. Когда тот выскочил из-под защиты, Фёдор увидел, как ему трудно совершать прыжки по глубокому снегу. Волк основное усилие делал, чтобы выпрыгнуть из снега, и скорость была невысокая. В угон было бы стрелять намного легче, но зверь почему-то стал бежать поперёк, и поймать его на мушку прыгающим в облаке снежной пыли было трудно. Фёдор успел выстрелить пару раз, пока волк не подскочил к толстой кедре. За ней развернулся и стал снова уходить от него, прикрытый деревом. «Да ведь он уходит по правилам боевого искусства! Спецназовец хренов!» – восхитился Фёдор. «По такому снегу догоню», – подумал бегущий охотник, но тоже развил скорость не ахти. Сгоряча он взял высокий темп, а так как весь день ходил и вдобавок был голодный, то и силы его быстро оставили. Но надежда была, что волк, хоть и отдохнувший, может где-нибудь запурхаться в глубоком снегу и подпустит на выстрел.

Пробежав немного по волчьему следу, ещё раз восхитился этим умным зверем. Тот, отбежав на безопасное расстояние, прекратил прыжки, которые отнимали много сил, а пошёл частым мелким шагом. От этого опора у него увеличилась вдвое, и он пошёл почти поверху.

Осознав бесполезность погони, Фёдор остановился отдышаться. Идя по лыжне в обратном направлении, размышлял о произошедших событиях: увиденное и узнанное за сегодняшний день оставило в нём навсегда уважение к этому великолепному хищнику, и он открыл ещё одну страницу той жизни, которой живёт, и за это надо благодарить случай. С этими мыслями он вышел к реке. На западе полыхал красным цветом небосклон, похожий на зарево далёкого гигантского пожара. Фёдор стоял на спуске к Великому Енисею, у которого сумерки размыли противоположный берег. От этого синяя даль, сливаясь на востоке с ультрамариновым небосклоном, казалась бесконечной. Опершись на посох, он пил глазами волнующую даль, вдыхал всё это с морозным воздухом и чувствовал, что он частица этого и с этим неразделим.